

**МАРГАРИТА АНЖУЙСКАЯ В ПОРТРЕТАХ,
ГРАВЮРАХ, ИЛЛЮСТРАЦИЯХ XV–XIX ВВ.:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА¹**

Аннотация: В данной статье анализируется визуальный аспект восприятия образа королевы Маргариты Анжуйской (1430–1482 гг.), значительной политической фигуры, которая удостоилась прямо противоположных оценок у современников и потомков. Основными источниками послужили изображения Маргариты, находящиеся в собрании основанного ею Квинс Колледжа, в фондах Национальной портретной галереи и Британского музея. Хронологические рамки исследования ограничены XV–XIX вв. Поскольку мы имеем лишь самое туманное представление о том, как выглядела эта государыня на самом деле (не сохранилось ни одного прижизненного портретного изображения), художники более позднего времени были фактически свободны в своем творчестве. В течение всего анализируемого периода историки описывали Маргариту в духе «Исторических хроник» Шекспира – как злого гения Англии. Визуальные источники, напротив, демонстрируют постепенную трансформацию – из широкоплечей мужеподобной особы, которую можно увидеть на гравюрах XVII в., к середине XIX столетия Маргарита превратилась в утонченную, пленительную красавицу. Указанное расхождение показывает, насколько сложным и нелинейным может быть процесс формирования исторической памяти.

Ключевые слова: Маргарита Анжуйская, Войны Роз, тюдоровский миф, историописание в Англии, исторические гравюры, книжные иллюстрации.

Об авторе: Браун Елена Давыдовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Школы актуальных гуманитарных исследований, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. braun-helen@yandex.ru

---

Маргарита Анжуйская (1430–1482 гг.) – одна из самых интригующих английских королев. Хотя политические со-

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

бытия, в которых она принимала участие, изучены, исходя из сохранившихся текстов, со всей возможной полнотой, личность королевы до сих пор остается загадкой. Мы неплохо представляем себе, что Маргарита делала, но далеко не всегда понимаем, почему она поступала именно так, к чему стремилась, что чувствовала, как воспринимала свои успехи и неудачи, наконец, как к ней относились подданные. Все, что выходит за пределы сухого перечня фактов, является предметом непрекращающихся историографических дискуссий. В исследованиях второй половины XX–начала XXI в. можно встретить практически взаимоисключающие оценки этой государыни. Историки, симпатизирующие Йоркам, описывают Маргариту в шекспировском духе, как главную виновницу гражданских войн, бездарную, недалекую и крайне амбициозную [29:43-58] «женщину с сердцем тигрицы»; именно такую убийственную характеристику дал ей великий драматург У. Шекспир [16: Part III, Act I, scene 4]. Сторонники Ланкастеров, напротив, не устают повторять, что Маргарита была тонкой, одаренной натурой, сделавшей всё возможное и невозможное, чтобы сохранить трон для горячо любимого сына [30, 31, 33].

Если биография этой, без сомнения, выдающейся женщины до сих пор содержит немало белых пятен, то эволюция представлений о ней в историографии и вовсе едва намечена. Можно сослаться разве что на очень небольшие по объему историографические разделы в немногочисленных жизнеописаниях королевы [30, 31, 33]. Необходимо отметить еще один принципиально важный момент – из историографии вопроса практически полностью выпадает достаточно длительный период, а именно промежуток с конца XVI до середины XIX в., т.е. с момента создания «Исторических хроник» Шекспира и до появления первых биографий Маргариты. Историки пишут о создании шекспировского мифа, а затем, вероятно, из-за отсутствия в вышеуказанный промежуток работ, посвященных непо-

средственно супруге Генриха VI, буквально «телепортируются» в XIX столетие. При этом по умолчанию предполагается, что в эти три с половиной века представления о Маргарите фактически не эволюционировали.

В данной статье предпринята попытка реконструировать, пожалуй, наименее изученный аспект восприятия образа Маргариты Анжуйской – изменение представлений о её внешности. Здесь перед историками открывается на удивление широкое поле деятельности. Прижизненных портретов этой государыни не сохранилось, и художники более позднего времени были полностью свободны в своем творчестве. Неудивительно, что созданные их воображением «Маргариты» разительно непохожи друг на друга – это и мужеподобные особы, и откровенные дурнушки, и пленительные красавицы.

Основными источниками этого исследования послужили изображения Маргариты, находящиеся в фондах Британского музея (BM) – 56 экспонатов, Национальной портретной галереи (NPG) – 12 гравюр² и подборка, опубликованная на официальном сайте основанного ею Квинс Колледжа (QC) – 33 экземпляра³. Эта выборка не претендует на исчерпывающую полноту, но представляется достаточной для того, чтобы выявить основные тенденции в трактовке образа королевы.

Хронологические рамки исследования ограничены серединой XV в. – временем появления первых изображений Маргариты Анжуйской и концом XIX столетия. Верхний рубеж обусловлен изменением характера источников. В на-

---

² В дальнейшем при ссылке на фонды Британского музея и Национальной портретной галереи будут даваться номера экспонатов.

³ BM – British Museum. Official website. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.britishmuseum.org/> свободный. NPG – National Portrait Gallery. London. Official website. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.npg.org.uk/> свободный.

QC – Queen's College. Cambridge. Official website. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.queens.cam.ac.uk/visiting-the-college/history/college-facts/foundresses-and-patronesses/margaret-of-anjou> свободный.

чале XX в. из иллюстраций к историческим трудам полностью уходит элемент вымысла. Место авторских интерпретаций занимают фотографии более ранних портретов, гравюр и книжных миниатюр. Творческое переосмысление внешности исторических персонажей остается, но уходит в совсем иную сферу искусства – кинематограф.

Разумеется, ограничиться исключительно визуальным материалом невозможно. В рамках дальнейшего анализа будут сопоставлены два очень разных видения прошлого: оценки профессиональных историков и мнение людей, принадлежавших к миру искусства – портретистов, иллюстраторов и граверов. По большому счету, речь пойдет о механизмах формирования исторической памяти о Войнах Роз. Необходимо подчеркнуть, трансформацию историографических представлений об указанном конфликте практически невозможно объяснить, не выходя за рамки истории исторической науки. Восприятие борьбы Йорков и Ланкастеров, оценки героев конфликта напрямую зависели от менявшихся представлений о границах допустимого в политике, гендерных и мировоззренческих стереотипов [28]. Рискну предположить, что свою роль в пересмотре оценок прошлого сыграли популярные художественные, визуальные образы.

Начать имеет смысл с выяснения принципиально важного вопроса – можем ли мы на основании имеющихся источников реконструировать внешность Маргариты Анжуйской? Как уже было сказано выше, портретов королевы не сохранилось; к сожалению, нет и внятных словесных описаний. По традиции эти два «нет» интерпретируются как полное отсутствие сведений [QC; 33:2–17]. Мне кажется, что в данном случае стоит избегать решительных оценок. В XV в. словесные описания внешности встречались крайне редко, и даже в тех случаях, когда они делались, авторы ограничивались обозначением каких-то ярких, необычных деталей. Тот факт, что современники не посчитали необходимым рассказать о чертах лица, поход-

ке, осанке королевы сам по себе достаточно показателен. Он красноречиво свидетельствует – во внешности и манерах Маргариты не было ничего, заслуживающего отдельного упоминания. Я имею в виду не только примерно средний рост или, если доводить ситуацию до абсурда, отсутствие крупных бородавок. По-видимому, супруга Генриха VI выглядела и вела себя примерно так, как можно было ожидать от дамы её статуса – внешность королевы была достаточно презентабельной, туалеты в меру модными, она двигалась и говорила с достоинством, сообразно обстоятельствам и положению.

Чтобы продвинуться дальше, необходимо обратиться к прижизненным изображениям Маргариты Анжуйской. В распоряжении исследователей имеется четыре книжных миниатюры, находящиеся: в «Книге Талбота Шрусбери» (*Илл. 1*), подаренной королеве по случаю помолвки [23: Е VI]; в молитвенном свитке Маргариты [21]; в «Вигилиях на смерть короля Карла VII» [12]; и в «Книге братства успения Пресвятой Богородицы» [18]. Разумеется, в данном случае возможно говорить лишь о приблизительном сходстве, ведь между книжной миниатюрой XV в. и портретом⁴ лежит настоящая пропасть. И всё же, прижизненные изображения королевы объединяет ряд общих черт. Это – светлые, рыжевато-русые волосы⁵; глаза с тяжелыми, как будто припухшими веками; небольшой, полногубый рот. Такие совпадения вряд ли можно назвать случайными, скорее всего, эти черты были «написаны с натуры». Имеет значение и общее впечатление. Если судить по книжным миниатюрам, Маргарита была изящной и миловидной дамой, её смело можно было назвать хорошенькой, а вот красавицей – вряд ли.

Необходимо подчеркнуть одну любопытную тенден-

---

⁴ В XV в. портреты уже писали; проведенные специалистами пластические реконструкции показывают, что художникам удавалось довольно точно передавать облик своих моделей [32].

⁵ Исключение составляет «Книга Братства», в ней волосы королевы скрыты под покрывалом.

цию. Уже в XV столетии наблюдалось значительное расхождение текстового и изобразительного образов королевы. Если миниатюристы стремились запечатлеть близкие к реальности черты, авторы нарративных источников начали серьезную переработку исторического материала. В частности, написанная около 1463 г. «Политическая ретроспектива» называла супругу Генриха VI главной виновницей развязывания войны Йорков и Ланкастеров. Королеву обвиняли в том, что она «управляла всей Англией... вознамерилась уничтожить законных наследников престола [Йорков]... из-за неё... Англия... была полностью разорена» [1:268-269]. Звучали и обвинения в супружеской измене, Маргариту считали любовницей герцога Сомерсета [10:547].

XVI столетие крайне интересно с точки зрения трансформации представлений о Маргарите Анжуйской в исторических нарративах и, парадоксальным образом, удивительно бедно визуальным материалом. В текстах, относящихся к правлению Генриха VII, всячески подчеркивавшего свое родство с Ланкастерами, все без исключения представители этой династии описывались в весьма лестных выражениях. Маргарита не стала исключением. Она разительно отличалась от фурии, созданной пропагандой Йорков. На станицах «Истории» Вергилия королева превратилась в героическую защитницу законных прав Ланкастеров и преданную супругу, для которой «после мужа не было никого дороже сына» [13: Liber XXIV, 17].

К середине XVI в. политические приоритеты вновь были пересмотрены. Генрих VIII являлся живым доказательством примирения Йорков и Ланкастеров, в его царствование короли обоих домов провозглашались добрыми и благородными правителями. Однако, политические неурядицы 1450–1480-х гг. необходимо было как-то объяснить. С последней фазой конфликта (1483–1485 гг.) проблем не возникало, к услугам историков была созданная еще в первые годы правления Генриха VII черная легенда о Ри-

чарде III. В трактовке беспорядков 1450–начала 1470-х гг. хронисты фактически вернулись к мифу Йорков и обвинили в развязывании конфликта королеву Маргариту. Такой выбор вполне естественен. С 1455 г. супруга Генриха VI фактически возглавляла придворную «партию», её усилиями были организованы несколько в разной степени успешных попыток реставрации династии. Однако, саму королеву вполне можно было объявить не-Ланкастером, иностранкой, узурпировавшей власть. Посмотрим, что писал по этому поводу знаменитый Эдуард Холл.

По его версии, союз Генриха VI и Маргариты Анжуйской был негоден Богу [8:205-206] и стал причиной неисчислимых бедствий. Маргарита Холла – больше, чем бесприданница, за брак с ней Генрих VI якобы отдал французам Анжу и Мен [8:204]. По этой же причине король рассорился с герцогом Арманьяком, что, в конечном итоге, привело к потере Аквитании [8:205]. Но проигрышем в Столетней войне дело не ограничилось. Стремившаяся править от имени слабовольного мужа, что, кстати говоря, она делала исключительно скверно [8:209], королева якобы приказала убить Хэмфри герцога Глостера. После этого убийства в стране началась гражданская война, а обоих супругов постигла кара небесная [8:208-209]. Кроме того, Холл удвоил число предполагаемых любовников Маргариты. По его версии, до 1450 г. расположением королевы будто бы пользовался граф Саффолк, а, затем, его место занял герцог Сомерсет. В заключение хронист намекнул, что сын Маргариты принц Эдуард был бастардом, поскольку «король не способен зачать ребенка» [8:230].

Этот образ был доведен до совершенства в «Исторических хрониках» Шекспира. Среди антигероев «Генриха VI» и «Ричарда III» Маргарита Анжуйская занимает почетное второе место – сразу после главного злодея и горбуна Ричарда. Она фактически узурпирует власть, пытается удалить от короля всех достойных людей, инспирирует гражданскую войну, открыто изменяет мужу. Если прибавить к

этому жестокость, злобу и владение «искусством проклинать» [17:Act IV, scene 4], портрет «женщины с сердцем тигрицы» [16:Part III, Act I, scene 4] будет полным.

Итак, к концу XVI в. Маргариту Анжуйскую стали считать настоящим проклятием Англии. Соблазнительно предположить, что почти полное отсутствие изображений королевы, созданных в этот период, является прямым следствием её репутации. Однако, на деле все было несколько сложнее.

Единственным визуальным источником XVI в. является гобелен, сотканный в 1500–1509 гг. [QC]. На нем мы видим коленапреклоненную королеву, возносящую молитвы в окружении придворных дам. Черты лица Маргариты напоминают изображения, созданные в XV столетии. Скорее всего, в данном случае имела место прямая преемственность – гобелен был создан по образцу более ранних миниатюр.

Вопрос о крайней скудности источниковой базы отчасти решается, если принять во внимание традицию тиражирования визуальных образов королев. В XVI в. существовала мода на создание так называемых «галерейных серий», т.е. коллекций портретов венценосных особ от норманнского завоевания и до «современности». Каждая аристократическая фамилия заказывала свою серию, которую было принято выставлять в длинных галереях, соединявших крылья дворянских замков [32]. Однако, применительно к эпохе Войн Роз, дело ограничивалось копированием уже имеющихся полотен, с нуля такие изображения не создавали. Приведу несколько конкретных примеров. Единственный сохранившийся портрет супруги Эдуарда IV Елизаветы Вудвилл в XVI в. был скопирован десятки раз. Существует также множество копий портретов Эдуарда IV, Ричарда III, Генриха VII и его жены Елизаветы Йорк. В то же время, Йорки и Ланкастеры, не удосужившиеся заказать собственные портреты, в XVI столетии так и остались «людьми без лица» – это мать Генриха VI Екатерина Валуа;

Ричард Йорк и его супруга Сесилия; наследник Генриха VI принц Эдуард Ланкастер; королева Ричарда III Анна Невилл; чуть-чуть не дотянувший до трона брат Эдуарда IV Джордж Кларенс; некоронованный Эдуард V, всемогущий Создатель Королей Ричард Уорик; и, наконец, Маргарита Анжуйская. Итак, художники XVI в. не писали портретов Маргариты по внутрицеховым соображениям – они просто не могли отыскать подходящего образца, работать без которого они решались лишь в крайнем случае. В скобках отмечу, обязательным элементом галерейных серий являлись изображения правивших королей; матери, жены. Братья и другие родственники монархов попадали в них, что называется, по возможности, поэтому в активных поисках просто не было необходимости.

Перед тем, как перейти к более позднему визуальному материалу, имеет смысл сказать несколько слов об историографической традиции XVII–XVIII вв. В этот период не было написано ни одной исторической работы, специально посвященной Маргарите Анжуйской. В солидных обобщающих трудах её образ оставался традиционно негативным [24:191–196; 6:Vol. II. P. 740]. Любопытно, что, научно-популярная и художественная литература демонстрировала совершенно иную тенденцию. В 1640 г. известный драматург и актер Томас Хейвуд включил биографию Маргариты в сборник жизнеописаний девяти самых достойных женщин в истории [9]. Девятка получилась весьма впечатляющей – три Библейские героини: Девора, Юдифь и Эсфирь; три язычницы – возглавившая восстание против римлян в 60-х гг. I в. н.э. британская королева Боудикка, легендарная царица Амазонок Пентесилея и правительница Галикарнаса Артемисия (484–460 гг.); наконец, три христианки – королева Мерсии Этельфреда (870–918 гг.), Маргарита Анжуйская (*Илл.* 2) и Елизавета I Тюдор. Удивительно, что, повторив почти все «факты» тюдоровской версии биографии Маргариты, за исключением обвинения в супружеской неверности, Томас Хейвуд оценивал

королеву совершенно иначе, чем историки середины–второй половины XVI столетия. Он не уставал восхищаться её «храбростью и героическим духом (*brave and heroicke spirit*)», благородством и несгибаемой волей [9:159]. Особенно сильное впечатление производит рассказ о поражении войск Маргариты в битве при Тьюксбери и гибели её единственного сына. Хейвуд утверждал, что, хотя королева безмерно любила сына, больше, чем о его смерти, она сожалела, что не может достойно отомстить своим врагам [9:180]. Иными словами, в сочинении Хейвуда Маргарита остается шекспировской «тигрицей», но, с точки зрения автора XVII в., властность, мужество и неукротимый нрав — это уже не недостатки, а достоинства.

Возможно, взгляды Хейвуда были не столь экзотичны, как это может показаться на первый взгляд. Очевидно, что главной из помещенных в сборнике биографий, было жизнеописание Елизаветы I, чьё царствование в значительной степени изменило представление о роли женщины в политике. По-видимому, стремление любой ценой сохранить трон для своего мужа и сына, за которое Маргариту яростно критиковали современники и ближайшие потомки, в XVII в. уже воспринималось несколько иначе.

Еще одной причиной смягчения образа Маргариты Анжуйской было французское влияние. Для французской культуры уроженка этой страны Маргарита была несчастной королевой, жертвой обстоятельств. В XVIII столетии на английский язык были переведены два французских романа — «История памятных и необычайных бедствий Маргариты Анжуйской, королевы Англии» Мишеля Бодье [4] и книга знаменитого аббата Прево «История Маргариты Анжуйской, королевы Англии» [2]. Оба романа рисовали образ волевой и харизматичной женщины, вынужденной противостоять жестокой судьбе. Однако, это была уже не «амазонка» из книги Томаса Хейвуда. И Бодье, и Прево подчеркивали женственность Маргариты, прославляли её красоту и обаяние, наконец, описывали королеву как любя-

щую супругу и хорошую мать.

Разумеется, романы и исторические сочинения – вещи разные. Произведения художественной литературы во все не обязательно должны были повлиять на восприятие образа исторической Маргариты. Попробуем обратиться к иллюстративному материалу. Гравюры, иллюстрировавшие издания об истории основанного Маргаритой Квинс-колледжа [NPG: № D9414; NPG: № D9406 – Илл. 3], показывают нам традиционный «портрет» этой королевы. На зрителя свысока взирает волевая дама с развернутыми, широкими плечами, крупными чертами лица и решительно сжатыми губами. Однако, этот вариант был далеко не единственным.

Любопытно, что к визуальной реабилитации Маргариты оказался причастен основатель жанра готического романа, известнейший защитник Ричарда III Хорас Уолпул. Дело в том, что мистер Уолпул страстно увлекался собиранием разных «древностей». Одной из его находок стала картина, которую он приобрел для своего собрания живописи в Струубери-Хилл. Современные исследователи условно называют её «Свадьбой святого», поскольку над головой жениха неизвестный фламандский художник изобразил нимб [7]. Ориентируясь на репутацию Генриха VI, неофициальный культ которого сформировался сразу же после смерти короля, а также на корону, украшавшую голову невесты, Уолпул посчитал, что перед ним венчание Генриха VI и Маргариты Анжуйской [26]. Нельзя не отметить, что невеста на картине разительно отличается от стереотипного образа Маргариты – это невысокая, изящная девушка; муж смотрит прямо на неё, а молодая супруга в смущении опускает взор (*Илл. 4*).

Благодаря авторитету Уолпула, этот «портрет» стал «эталонным» изображением королевы. В XVIII–первой половине XIX в. с картины было снято множество копий. Только в собрании Британского музея есть шесть таких гравюр [BM №1871,1209.1337, №1868,0822.6269,

№1868,0822.6090, №1868,0822.6089, № 1868,0822.4314, № 1868,0822.6268]. В том числе, «Свадьба святого» послужила источником вдохновения для Роберта Деви, написавшего портрет Маргариты Анжуйской в 1775 г. [14]. Маргарита в изображении Деви (*Илл. 5*) не просто молода и хороша собой – одно это уже противоречит темной легенде; она выглядит нежной и ранимой – высокий, чистый лоб, печальный взгляд, роскошные кудри, наконец, прелестный румянец вызывают симпатию и сочувствие. Глядя на это полотно, невольно представляешь Маргариту такой, какой её описали Бодье и Прево – жертвой злой судьбы и бесчестных, могущественных врагов.

Превращение Маргариты в романтическую героиню лучше всего иллюстрируют сюжетные гравюры. В XVIII в. художники охотно изображали встречу Маргариты Анжуйской и её сына с разбойниками⁶. В фондах Британского музея таких гравюр шесть. Любопытно, что банальный грабёж запечатлен лишь на двух оттисках [BM №1874,1212.198; №1875,0814.1340]. В четырех случаях сюжет разительно меняется. Королева – молодая, привлекательная женщина – обращается к разбойнику с просьбой защитить её маленького сына, законного короля Англии. И преступник преобразается в верного слугу короны [BM №1891,0511.148; №У,4.149; №1868,0808.2833 (*Илл. 6*); №1858,1009.161]. При всей условности подобных умозаключений рискну предположить, что разбойник в данном случае может рассматриваться как индикатор общественного мнения.

Стоит отметить ещё одну показательную деталь – на всех без исключения гравюрах Маргарита Анжуйская не просто хороша собой, её красота соответствует стандартам XVIII в. – округлые плечи и руки, светлые кудри, некрупные правильные черты лица; наконец, королева одета по

---

⁶ Если ограбление действительно имело место, это случилось во время бегства королевы в Уэльс летом 1460 г.

последней моде. Барочная красота, изысканная одежда, продуманная грация поз «Маргариты» – всё это ясно свидетельствует о том, что в анализируемый период художники относились к «модели» с большой теплотой.

Итак, в XVII–XVIII вв. сосуществовали два очень разных образа Маргариты Анжуйской. Историки оставались в рамках шекспировской легенды, широкая публика воспринимала Маргариту куда более благосклонно – как истинную королеву, красавицу, мужественно переносившую все несчастья.

Следующее столетие внесло свои коррективы в представления о внешности, личных качествах и политической деятельности королевы. В 1829 г. в защиту Маргариты Анжуйской выступил, пожалуй, самый знаменитый и уважаемый писатель XIX в. – сэр Вальтер Скотт. Подчеркну, в XIX столетии история и литература были как никогда близки. Дело не только в исключительной востребованности, популярности исторических романов. Подавляющее большинство англичан воспринимало прошлое, узнавало о нем через посредство литературных произведений. Стоит отметить, что в реабилитации эпохи противостояния Йорков и Ланкастеров Вальтеру Скотту принадлежит особое место. Он не только сделал популярным, общепринятым словосочетание «Войны Роз» (в оригинале «войны Белой и Алой Роз» (*wars of the White and Red Roses*)) [15: chapter 7]), но и изменил представление о XV столетии в целом. В романах Скотта это мрачное, но удивительно интересное время последних рыцарей, благородных подвигов и захватывающих приключений.

Вернемся к Маргарите Анжуйской. На страницах романа «Анна Герштейнская, дева мрака» Маргарита – королева в полном смысле слова – гордая, умная, решительная, необычайно сильная духом, и в то же время женственная, сострадательная, красивая даже в пятьдесят лет. Но, пожалуй, главное, что бросается в глаза – окутывающий эту женщину романтический ореол. Маргарита Вальтера

Скотта – жертва роковых обстоятельств, она постоянно сетует на жестокость судьбы, горюет, клянет своих врагов [15: chapter 24], но все же находит в себе силы в последний раз бросить вызов року и умирает в тот самый момент, когда узнает о крушении своих надежд; более полное соответствие романтическим литературным стереотипам начала XIX в. представить сложно.

«Анна...» продолжает более раннюю литературную традицию, однако, нельзя не заметить, что Вальтер Скотт существенно переработал французские романы. Как уже было отмечено выше, он довел образ благородной королевы до логического совершенства. Кроме того, под пером романиста Маргарита Анжуйская чудесным образом преобразилась в настоящую англичанку и горячую патриотку. Например, Маргарита называет Англию самой прекрасной страной на свете и утверждает, что именно в Британии прошли лучшие годы ее жизни [15: chapter 24]).

Энтузиасты, любители истории очевидно подпали под обаяние творения Вальтера Скотта. В 1840–1870-х гг. появились две апологетических биографии Маргариты Анжуйской. Агнесса Стрикленд [19] и Мэри Хукхем [11] подчеркивали, что жизнь настоящей Маргариты была намного интереснее походов любой литературной героини, но на деле полностью воспроизвели образ, созданный на страницах «Анны Герштейнской». В обоих случаях перед нами беллетризованные повести о злоключениях гордой, обаятельной, талантливой и очень несчастной королевы.

Профессиональные историки, конечно же, читали «Анну Герштейнскую», но для них несравненно более значимой оказалась публикация английского перевода труда Полидора Вергилия в 1844 г. Вергилий написал свою «Историю Англии» по просьбе Генриха VII. Он в полной мере угодил венценосному заказчику, изобразив воцарение Тюдоров как Божью милость, окончание кровавой эпохи смут, а Ланкастеров, к которым Генрих VII возводил свой род, как добрых, справедливых и праведных монархов.

Необходимо подчеркнуть, написанная по латыни и опубликованная в Лозанне «История» была, что называется, экспортным продуктом. Полидор позволил себе усомниться в принципиально важных для англичан веках древней истории – он опроверг Брутову теорию и поставил под сомнение артуровский миф. Результатом была настоящая волна возмущения британских интеллектуалов, предопределившая дальнейшую судьбу текста. В XVI в. Вергилия не цитировали и не переводили. Он оказался библиографической редкостью и был в буквальном смысле слова заново открыт Генри Эллисом, который ввел «Историю» в пространство научных изысканий. Учитывая крайне незначительное число исторических сочинений времен Генриха VII, находка труда Вергилия стала маленькой сенсацией. Эта работа была воспринята как в высшей степени интересный и правдивый рассказ [25:290-292]. Результат не заставил себя ждать. В исследованиях середины–второй половины XIX в. супругу Генриха VI по-прежнему обвиняли в чрезмерной жесткости и развязывании Войн Роз, однако общий тон заметно смягчился. Историки подчеркивали, что Маргарита защищала законные права мужа и сына, а ее недостатки были следствием суровых нравов эпохи [23:285-291; 3].

Думается, частичная реабилитация Маргариты Анжуйской была связана, в том числе, с характером визуальных источников. Напомню, что в XVIII столетии супругу Генриха VI рисовали молодой и привлекательной. К середине XIX в. она превратилась в редкую, пленительную красавицу. Метаморфоза совершилась в двух видах гравюр. Первые – это иллюстрации к изданиям «Исторических хроник» Шекспира. Здесь мы сталкиваемся с очевидным логическим противоречием. В «Генрихе VI» внешность Маргариты описана, мягко скажем, неоднозначно. В первой части трагедии граф Саффолк буквально «ослеплен» красотой юной Маргариты (16: Part 1, Act 5, Scene 3). В третьей части герцог Йорк говорит ровно обратное:

«Красой нередко женщины гордятся, но, видит Бог, в тебе ее немного» (16: Part 3, Act 1, Scene 4.). Иллюстраторы конца XVIII–XIX вв. предпочитали игнорировать второе из процитированных высказываний. Обращает на себя внимание трактовка сцены расставания Саффолка и Маргариты (16: Part 2, Act 3, Scene 3). На гравюрах пара нежно прижималась друг к другу, влюбленных рисовали юными и прекрасными (например, ВМ №1868,0822.3486 – *Илл.* 7, №1868,0822.5445, №1878,0713.4442). Любопытно, что в данном случае визуальный ряд категорически не соответствует историческому материалу. Я имею в виду не характер отношений графа Саффолка и супруги Генриха VI, проблема в возрасте графа. В 1450 г. Маргарите было 20 лет, а вот графу – 54. Иллюстраторы вполне могли не знать этих деталей, однако, все гравюры выполнены с очевидной симпатией к героям.

Ещё более сильное впечатление производят «портреты» Маргариты Анжуйской в тематических сборниках «Шекспировская галерея» [22] и «Героини Шекспира» [20] (*Илл.* 6). С них на зрителей смотрит юная, чарующе прекрасная дама. Подчеркну, именно юная! По сравнению с изображениями XVIII в. Маргарита ещё больше помолодела. В XVIII столетии художники рисовали женщину не старше тридцати, на гравюрах XIX в. королеве примерно двадцать. Изменился и характер внешности. На смену барочному очарованию пришли изображения, соответствующие канону викторианской эпохи – Маргарита стала стройной, круглолицей и большеглазой. В данном случае необходимо сделать принципиально важную оговорку. Изданные в XIX в. сборники иллюстраций к произведениям Шекспира не баловали читателей разнообразием человеческих типов. Героини трагедий и комедий в них похожи как родные сестры. Очевидно, что в этом случае внешность Маргариты «облагородили» заодно с другими, из почтения к памяти великого драматурга.

Учитывая вышесказанное, можно предположить – ме-

таморфоза произошла исключительно с шекспировской героиней. Действительно, в 1815 г. было опубликовано очередное изображение мужеподобной Маргариты. Эту иллюстрацию принято считать неудачной копией портрета кисти Деви или даже пародией на него [QC]. Позы и одежда двух «Маргарит» совпадают, зато телосложение и черты лица разительно несхожи. На гравюре 1815 г. запечатлена женщина с непропорционально широкими плечами, крупными руками и грубым, практически мужским лицом. Мысль, вложенная в этот «портрет», очевидна – автор был категорически не согласен с реабилитацией супруги Генриха VI.

Сам по себе факт такой «художественной» полемики крайне интересен. Однако, нельзя не отметить, что гравюра 1815 г. явление уникальное. Это самое позднее, последнее – во всяком случае из известных мне, малокомплиментарных изображений Маргариты Анжуйской. Подавляющее большинство художников и иллюстраторов видели её совершенно иначе.

Пожалуй, самым ярким примером можно считать гравюры, иллюстрирующие сборники кратких биографий английских королей [5] и всемирно знаменитых женщин [27]. В них мы находим лунолицую красавицу с осиной талией, огромными глазами и маленьким, пухлым ртом. Попытка сравнить образы шекспировского персонажа и «реальной» королевы на гравюрах XIX в. неизбежно превращается в игру «найдите десять отличий». Стоит отметить, что материалом для такой игры могли бы послужить все опубликованные в указанных биографических сборниках «портреты» британских королей. Как и в случае с героинями Шекспира, все государыни – замечательные красавицы, отличающиеся друг от друга лишь цветом волос, прической и нарядами. Т.е. и здесь Маргарите «повезло» заодно с другими. Переоценку её внешности имеет смысл рассматривать как часть куда более широкого процесса принятия и прославления национального прошлого. Тем не менее, этот новый образ государыни постепенно закреплялся в

умах англичан.

Лучшим доказательством этого тезиса являются тематические гравюры – и на них Маргарита восхитительно хороша. Попробуем объяснить причину столь благотворных перемен во внешности супруги Генриха VI. В XVIII столетии чаще всего рисовали встречу королевы с разбойником/разбойниками, т.е. чисто авантюрный сюжет. В гораздо более строгую викторианскую эпоху на первый план выходят материнские качества Маргариты. Гравюры и скульптуры XIX в. показывают молодую королеву, нежно прижимающую к себе маленького сына [ВМ №1871,1209.1981; №1868,0822.5445]. Существует также необычайно трогательная серия иллюстраций трагической гибели принца Эдуарда Ланкастера – *Илл. 7*. Только в фондах Британского музея пять таких оттисков [ВМ: № 1847,0306.161; № 1868,0822.5407, № 1868,0822.4504, № 1847,0306.162; № 1896,1118.23]. На них королева на коленях умоляет Эдуарда Джорджа и Ричарда Йорков пощадить её единственного сына.

Не лишним будет напомнить, что в исключительно высоко ценимом историками XIX в. сочинении Полидора Вергилия с Маргариты Анжуйской было снято обвинение в супружеской измене. По-видимому, в викторианскую эпоху англичане начали воспринимать эту государыню как символ глубоко чтимых ими семейных ценностей. В данном случае успех был обеспечен. При всем несхождении образов Маргариты, и современники событий, и историки безоговорочно сходятся в одном – эта женщина сделала все возможное и невозможное, чтобы защитить свою семью. Маргариту обвиняли в излишней горячности, в пренебрежении интересами государства, но и для друзей, и для врагов она всегда оставалась Матерью с большой буквы. В век королевы Виктории это искупало все остальные «грехи» нашей героини.

***

Подведем некоторые итоги. В течение всего анализируемого периода профессиональные историки описывали Маргариту Анжуйскую в духе «Исторических хроник» Шекспира – как злого гения Англии, «сердце тигра в женской оболочке». Суждения постепенно смягчались, но процесс реабилитации шел крайне медленно. Темная легенда о злой и безнравственной королеве была опровергнута только в XX в. Романисты, художники и авторы научно-популярных книг «оправдали» Маргариту гораздо раньше. В частности, визуальные источники демонстрируют куда более заметную, быструю и радикальную трансформацию – из широкоплечей мужеподобной особы средних лет, которую можно увидеть на гравюрах XVII–начала XVIII в., к середине XIX столетия Маргарита превратилась в юную, тонченную, пленительную красавицу. По-видимому, в данном случае профессионалы следовали за литераторами, граверами и любителями истории. Переоценку личности и правления Маргариты Анжуйской нельзя связывать исключительно с привлечением новых источников и более корректным анализом старых. Историки ещё в юности читали романы о Маргарите, листали альбомы гравюр, иллюстрированные издания Шекспира и поневоле впитывали этот благоприятный информационный фон. Вышесказанное ещё раз демонстрирует, насколько сложным, нелинейным может быть процесс формирования исторической памяти.

Литература

Источники:

1. A Political Retrospect // Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores. Vol. 14 (2). Political Poems and Songs Illustrating the English History. L., 1861. P. 267-270.
2. *Abbe Prevost*. The history of Margaret of Anjou, queen of England. Translated from the French of the Abbe Prevost. In two volumes. Dublin: printed for G. Faulkner, and R. James, 1756.

3. *Abbot J.* Margaret of Anjou. N.Y.; L., 1900.
4. *Baudier M.* An History of the Memorable and Extraordinary Calamities of Margaret of Anjou, Queen of England. L., 1737.
5. Biographical Sketches of the Queens of Great Britain from the Norman Conquest to the Reign of Victoria: or, Royal book of beauty, by Mary Howitt. 1851.
6. *Carte T.* General History of England. In 4 vol. L.: Printed for the AUTHOR at his house in Dean's Yard, Westminster, 1750.
7. *Flemish, Anonymous.* Marriage of a Saint, about 1475–1500, oil on wood panel. Toledo Museum of Art. Toledo, Ohio.
8. *Hall E.* The union of the two noble and illustre families of Lancaster and York. L., 1809.
9. *Heywood Th.* The exemplary lives and memorable acts of nine the most worthy women in the world. L., 1641.
10. *Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum.* Vol. 1. Oxford, 1684.
11. *Hookham M.A.* The Life and times of Margaret of Anjou. In 2 vol. L., 1872.
12. Les Vigiles de la mort du roi Charles VII // Gallica, ID btv1b105380390/f264 Электронный ресурс. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b105380390/f264#> свободный.
13. *Polydore Vergil* Anglica Historia (1555 version) / Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/contents.html> свободный.
14. *Robert Davy.* Margaret, Wife of King Henry the VI, 1775, oil on canvas. Queens' College. Cambridge.
15. *Scott W.* Anne of Geierstein; or The Maiden of the Mist. Edinburgh, 1829.
16. *Shakespeare W.* Henry VI / Ed. M. Hattevey. Cambridge, 1993.
17. *Shakespeare W.* Richard III (The New Cambridge Shakespeare). Cambridge, 2009.
18. *Skinner's Company Book of the Fraternity of the Assumption of Our Lady.* L., Metropolitan Archives, MS 31692, folio 34v. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://jesuslibraries.files.wordpress.com/2017/09/margaret-of-anjou-in-the-skinners-company-confraternity-book-guildhall-library.jpg> свободный.

19. *Strickland A.* Lives of the Queens of England. In 2 vol. L., 1885.
20. The Heroines of Shakespeare: comprising the principal female characters in the plays of the great poet / Ed. by Charles Heath, L., 1848
21. The prayer roll of Margaret of Anjou 1445–55. Archive of Jesus College Oxford as MS 124. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://jesuslibraries.files.wordpress.com/2017/09/ms-124-margaret-of-anjou-christopher-muttukumar-e1504540110937.jpg> свободный.
22. The Shakespeare Gallery: containing the principal female characters in the plays of the great poet / Ed. by Charles Heath, L., 1836.
23. The Talbot Shrewsbury book, 1444–45. British Library Royal MS 15 E VI. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=royal_ms_15_e_vi_f001r свободный.
24. *Trussell J.* A continuation of the Collection of the History of England. L.: John Haviland and Robert Young, 1636.
25. *Turner S.* History of England During the Middle Ages. L., 1823.
26. *Walpole H.* Anecdotes of Painting in England. In 3 vol. Strawberry-Hill, 1765–71.
27. World-noted women; or Types of womanly attributes of all lands and ages /M. C. Clarke, NY-L, 1858.

Литература:

1. *Браун Е.Д.* Наука или политика? Уорик Создатель Королей в исторической памяти англичан // Политика истории. К 70-Летию доктора исторических наук Марины Павловны Айзенштат. М., 2021. С. 68-83.
2. *Baldwin D.* Richard III. Stroud, 2012.
3. *Dockray K.* Henry VI, Margaret of Anjou and the Wars of the Roses. L., 2000.
4. *Haswell J.* The Ardent Queen. Margaret of Anjou and the Lancastrian Heritage. L., 1976.
5. *Hepburn F.* Portraits of the Later Plantagenets. Woodbridge, 1986.
6. *Maurer H.* Margaret of Anjou. Queenship and Power in Late Medieval England. Woodbridge, 2005.

Иллюстрации

Илл. 1. Маргарита Анжуйская и Генрих VI. Миниатюра из «Книги Талбота Шрусбери», 1444–45 гг.

Илл. 2. Маргарита Анжуйская. Гравюра из книги «Сборник жизнеописаний девяти самых достойных женщин в истории», 1641 г.

Илл. 3. Маргарита Анжуйская. Гравюра 1714 г.
Национальная портретная галерея, Лондон. №D9406

Илл. 4. Маргарита Анжуйская. Деталь изображения, ошибочно атрибутированного Хорасом Уолпулом как свадьба Маргариты Анжуйской и Генриха VI. Неизвестный художник, 1475-1500.
Толедский музей искусств, Толедо, Огайо.

Илл. 5. Маргарита Анжуйская. Портрет кисти Роберта Деви, 1775 г. Квинс Колледж, Кембридж.

Илл. 6. Маргарита Анжуйская и разбойник. Гравюра 1798 г. Британский музей. № 1868,0808.2833

Илл. 7. Маргарита Анжуйская. Гравюра из сборника «Героини Шекспира», 1848 г.

Илл. 8. Убийство принца Эдуарда. Гравюра 1806 г. Британский музей, №1868,0822.5407